

Д О К Л А Д

профессора В.И. Меньковского

на заседании

Президиума Комиссии по присуждению премии

имени В. И. Пичеты

в номинации «Наука»

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию предлагается цикл работ, в которых на материалах англоязычной историографии советской истории 1930-х гг. разработана научно обоснованная и проверенная методика системного изучения национальных и региональных историографий. В цикл входят монографии и учебные пособия:

Меньковский В.И. История и историография: Советский Союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов. Мн.: – БГУ, 2007. – 359 с.; Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. – Сыктывкар, 2013. – 222 с.; История России. XX век: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Меньковского и О.А. Яновского. Мн.: РИВШ, 2005. – 704 с. (допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия); Современная российская историография / В.И. Меньковский и др.; под ред. В.И. Меньковского. В 2 ч.– Минск: РИВШ, 2009. - Ч. 1. – 338 с.; Ч.2. – 274 с.

Нам хотелось бы обратить Ваше внимание на ряд основных положений: 1) актуальность темы; 2) советская история 1930-х гг. как предмет исследования англоязычной историографии; 3) англоязычной историографии советской истории как предмет авторского исследования; 4) основные выводы и практическое использование результатов исследования.

1. Актуальность темы. Современный мир стал миром глобальным. Это относится не только к сферам высоких технологий, коммуникаций, экономики или снабжения, но и к академической сфере. Академическое сообщество сегодня не разделено государственными границами, континентами или языками. Английский язык стал *lingua franca* мировой науки в целом и исторической науки в частности. Мы обязаны знать достижения не только нашей отечественной историографии, но и тех трудов, которые подготовлены англоязычным академическим сообществом и опубликованы на английском языке.

Предметом авторского рассмотрения стали научные труды англоязычных исследователей по истории Советского Союза, в которых 1930-е гг. рассматриваются как специальный объект изучения или анализируются в контексте других проблем советской и мировой истории. Исследования фокусировались на научной литературе (монографиях, журнальных статьях, сборниках статей), опубликованной на английском языке со времени окончания Второй мировой войны до наших дней.

«Историография» определяется в научной и справочной литературе как: 1) история исторической науки в целом, а также совокупность исследований, посвященных определенной эпохе, теме, проблеме; 2) отрасль исторической науки, изучающая ее становление и развитие, накопление исторических знаний и источниковой базы, борьбу и смену методологических направлений; 3) самописание истории, исторического процесса. Поскольку термин имеет различные толкования, мы считаем необходимым уточнить, какой смысл вкладываем в это понятие. Мы рассматриваем историографию как специальную историческую дисциплину, изучающую историю накопления исторических знаний, развитие исторической мысли и методики исследования, историю создания исторических трудов и биографии ученых, влияние явлений общественно-политической жизни на творчество историков и воздействие исторической мысли на общественное сознание, историю научных учреждений, организации исторического образования и распространения исторических знаний. Подобная точка зрения уже нашла свое место в трудах по методологии историографии и источниковедения.

Поскольку, как мы уже отмечали, академическая историография является глобальным феноменом, мы включили в наше исследование работы историков различных стран и различных историографических направлений, подготовленные и опубликованные на английском языке. С нашей точки зрения, практически невозможно, особенно в последнее время, провести четкую грань между англоязычными учеными, пытаясь определить их англо-американские, австралийские или европейские корни. Академический мир

интернационален. История представленных на соискание премии работ является отражением этой ситуации. Монография «История и историография: Советский Союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов» готовилась автором в Соединенных Штатах и Венгрии, и была издана в Беларуси. Следующая монография «Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии», развивающая тему англоязычной историографии, подготовлена белорусом в соавторстве с немецкой исследовательницей, работающей в Оксфорде (Великобритания) и издана в России по Программе инициативных фундаментальных исследований Уральского отделения РАН.

Обращение к мировой историографии, сравнительный анализ школ, течений, научных парадигм, представляется одним из приоритетных направлений развития современной исторической науки. И связано это не только с ситуацией, сложившейся в отечественной исторической науке, но и с общемировыми тенденциями накопления и углубления исторических знаний. Англоязычная историография представляет в данном отношении безусловный интерес, поскольку в течение послевоенных десятилетий в англо-американских странах сложилась отлаженная система российских, советских, а затем и постсоветских исследований с определенными традициями, теоретическими концепциями и методологическими подходами. Следует отметить и тот факт, что история советологических исследований отражает не только развитие гуманитарных и социальных наук, но и меняющуюся общественно-политическую ситуацию как в англо-американском мире, так и в Советском Союзе и постсоветских государствах.

2. Советская история 1930-х гг. как предмет исследования англоязычной историографии. 1930-е гг. являются идеальным объектом для историографического исследования, поскольку включают в себя целую серию изменений и преобразований. Первый пятилетний план и насильственная коллективизация стали рубежом между периодом новой экономической политики и временем создания централизованной экономической системы. Ин-

дустриализация, инициированная государством мобильность населения, «культурная революция», массовое государственное насилие кардинальным образом изменили социальную структуру советского общества и создали базу для той системы, которая позже получит название «сталинизм». 1930-е гг., как исторический период, начинаются с первого пятилетнего плана в 1928 г. и завершаются германским вторжением 1941 г.

Исследование истории сталинизма в целом и периода 1930-х гг. как его важнейшей составляющей сопоставимо по важности и сложности с изучением кардинальных социальных и гуманитарных проблем человечества, без понимания которых нельзя дать ответ на многие вопросы советской и мировой истории. Поэтому естественно, что среди сложного комплекса вопросов, которыми занималась советология, одним из главных было изучение сталинизма, его генезиса, составляющих компонентов, места и роли в советской истории.

3. Англоязычная историография советской истории как предмет авторского исследования. Объектом исследования в представленном цикле работ является англоязычная историография второй половины XX в. – начала XXI в. Предметом изучения стало становление и развитие советологических исследований в англо-американском обществе, совокупность трудов англоязычных авторов по проблемам истории советского общества и государства в 1930-е гг., смена методологических парадигм в англоязычной историографии, инфраструктура академических исследований.

Источниковую базу составили научные англоязычные академические труды по истории Советского Союза, в которых 1930-е годы рассматриваются как специальный объект изучения или анализируются в контексте других проблем советской и мировой истории. Хронологические рамки цикла работ охватывают период середины 1940-х – первого десятилетия 2000-х гг. Дата нижнего рубежа определяется временем становления англоязычных исследований советской истории 1930-х гг. Верхняя граница связана с наличием последних доступных автору англоязычных академических работ.

Автор рассматривает генезис англоязычного историографического комплекса как процесс, в развитии которого определенно выделяются четыре периода. Первый – середина 1940-х – середина 1960-х гг. – это время становления англоязычной советологии в качестве академической дисциплины, создания инфраструктуры «российских и советских исследований», господства «тоталитарной концепции» как методологической парадигмы советологии. Второй период охватывает середину 1960-х – середину 1980-х гг. В это время упрочилось положение советологии в англо-американском академическом сообществе, укрепилась ее организационная и финансовая база, усилились позиции историков в советологической среде, произошла ревизия тоталитарной парадигмы и стала широко использоваться методология западных социальных и гуманитарных наук в «российских и советских исследованиях». Третий период охватывает середину 1980-х - середину 1990-х гг. Советологи ищут новые положения в англо-американской системе гуманитарных и социальных исследований в связи с кардинальными изменениями в изучаемом регионе, происходит перестройка организационной инфраструктуры, более продуктивным становится использование историками-советологами достижений мировой историографии. Со второй половины 1990-х гг. начался четвертый период, который продолжается до сегодняшнего дня. «Архивная революция», начавшаяся после 1991 г., стала переломным историографическим моментом. Теперь западные историки, проводя исследования, могли свободно передвигаться по территории бывшего Советского Союза, сочетать возможности предоставляемые данными «устной истории», изучением советской и постсоветской политической культуры с архивными материалами. Изменения совпали по времени со сменой парадигм в гуманитарной науке. Основное внимание переместилось с проблем политической и социальной истории в сферу культурной истории, для которой наиболее важным является анализ дискурса, пространства, визуальных источников. Эти изменения привели к росту сомнений среди историков в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента, кото-

рый «покажет то, что действительно произошло». Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс и использовать такие источники как дневники, письма, мемуары для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода.

4. Основные выводы и практическое использование результатов исследования. Изучение англоязычной историографии советской истории во второй половине XX – первом десятилетии XXI вв. свидетельствует о том, что в рассматриваемый период произошло ее становление и развитие как академической дисциплины, были сформированы исследовательские задачи и определены подходы к их решению, создана организационная структура англо-американских «российских и советских исследований», охватывающих академические организации, университеты и институты, библиотеки, государственные и частные структуры.

Долговременная динамика изменений в англоязычной историографии советской истории была связана с тремя важнейшими факторами: 1) меняющейся внутренней ситуацией в англо-американском мире, прежде всего в США; 2) изменениями в Советском Союзе и на «постсоветском пространстве»; 3) уровнем развития общественных и гуманитарных наук. Выделять какой-либо один фактор в качестве основного представляется нам непродуктивным. Именно комплексное взаимодействие названных причин определяло тенденции развития советологии и «советских исследований» как феномена научной и политической жизни Запада второй половины XX в. – начала XXI в.

Первой научной моделью, нашедшей широкое применение в советологических исследованиях, стала тоталитарная парадигма, занимавшая господствующие позиции до середины 1960-х гг. «Классическая» тоталитарная модель рассматривала сталинский Советский Союз как уникальное мировое явление, сравнимое лишь с нацистской Германией и фашистской Италией.

Однако в середине 1960-х гг. англо-американское академическое сообщество высказало неудовлетворенность статичностью и политизированностью тоталитарной модели. Начался процесс ее «ревизии», заметное место в котором занимали историки. В середине 1960-х – начале 1980-х гг. «ревизионистское» направление стало определяющим в советологии. Англо-американские «русские и советские исследования» обогатились методологией западных социальных и гуманитарных наук, вышли из первоначальной изоляции в академическом мире и начали применять при изучении СССР методологию, характерную для изучения других регионов мира.

Основным направлением исторического ревизионизма стала критика «концепции непрерывности» ленинского и сталинского периодов советской истории, обоснование возможности альтернатив в развитии Советского Союза, неприятие однозначно негативных оценок советского прошлого.

В середине 1980-х гг. произошло усиление позиций «новой когорты» социальных историков, которые поставили в центр внимания исследователей сталинского периода историю общества, а не властных структур. «Вторая волна ревизионистов» пересмотрела многие устоявшиеся концепции как сторонников тоталитарной модели, так и представителей ревизионизма 1960–1970-х гг. Социальные историки сталинизма сконцентрировали внимание на изучении истории «снизу», показывали хаотичность и непоследовательность действий власти на всех уровнях, выделяли базу социальной поддержки сталинского режима, массовую общественную мобильность 1930-х гг., переоценивали в сторону уменьшения масштабы государственного террора.

Рубеж 1980–1990-х гг. создал новую ситуацию в западной советологии, предоставив новые возможности углубления исследований в связи с расширением источниковой базы, налаживанием прямых контактов с учеными и научными учреждениями изучаемого региона. Распад СССР усилил позиции историков, занявших первостепенную позицию в советологическом научном мире. Распад советской системы снял необходимость политизации и идеологизации историографии советской истории. Поскольку объект исследования

– Советский Союз – перестал существовать, дисциплине потребовалась новая концепция самоидентификации. Вместе с отказом от старых парадигм изучения советской истории, название дисциплины («советология») перестало соответствовать реальности и превратилось в анахронизм. Появилась возможность использования новой методологии, поскольку для специалистов стали доступны, ранее засекреченные, партийные и государственные архивные документы советского времени.

В последние годы изменилась не только проблематика историографии, но и методологический инструментарий историков и их роль в процессе написания исторических работ. Англоязычные авторы сегодня не заявляют об «объективности» своего взгляда на исторические проблемы. Западные авторы стремятся подчеркнуть, что они, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от столь субъективных обстоятельств как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя.

Исследование англоязычной историографии советской истории 1930-х гг. дало возможность создать модель изучения национальной и региональной историографии как целостной системы и использовать ее при разработке курсов новейшей истории Беларуси, России и Украины, специальных исторических дисциплин, спецкурсов для студентов исторического факультета БГУ. Под редакцией автора были подготовлены учебные пособия «История России. XX век» (допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия) и «Современная российская историография». Курсы лекций по тематике исследования были прочитаны автором в Институте социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону), Южно-Казахстанском государственном университете (Казахстан, г. Шымкент), Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана), Музее ан-

тропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера, Россия, СПб). Результаты исследования были представлены международных научных конференциях в Беларуси, Венгрии, Индии, Казахстане, Польше, России, Словакии, США, Украине, Чехии.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что современные англоязычные «советские исследования» занимают собственное достойное место в системе западных социальных и гуманитарных наук, сохраняя лидирующие позиции в западных исследованиях истории советского общественного и государственного строя. В англоязычной историографии советской истории 1930-х гг. было много гипотез и моделей. В течение длительного периода времени они не были и не могли быть соответствующим образом документированы. Однако и после открытия советских архивов, несмотря на введение в научный оборот новых материалов, остаются нерешенные вопросы, связанные с этим периодом советской истории. Поле деятельности исследователей остается огромным.

Проблема сегодня заключается не в том, что историкам не хватает эмпирического материала, хотя, конечно, академическое сообщество приветствовало, приветствует и будет приветствовать расширение источниковой базы. Вопрос в большей степени связан с аналитическими возможностями самой исторической науки. История во взаимодействии с другими социальными и гуманитарными науками способна дать варианты объяснения прошлого и дает их. Тема остается востребованной как в англоязычной, так и в постсоветской академической среде. Происходит процесс углубления анализа, расширения предмета исследования. Однако как всякий процесс познания он не только увеличивает число решенных проблем, но и постоянно расширяет область неизвестного. Многие вопросы, на которые сегодня выходят историки, относятся к категории «вечных вопросов». Ответом на них может быть только постоянно углубляющийся, «вечный» процесс познания

Спасибо за внимание.

В.И. Меньковский